

тигру и обезьяне, суть подлинные, характерные черты этого процесса. Даже в человечестве "самоутверждение", бессовестный захват всего, что можно захватить, упорное держание всего того, что можно присвоить, составляющее квинтэссенцию борьбы за существование, оказались самыми подходящими способами борьбы.

Урок, получаемый нами от природы, есть, следовательно, "урок органического зла". Природу даже нельзя назвать аморальной, т.е. не знающей нравственности и не дающей никакого ответа на нравственные вопросы. Она определенно безнравственна. "Космическая природа вовсе не школа нравственности, напротив того, она - главная штаб-квартира врага всякой нравственности" (с. 27 первого издания лекции особой брошюрой). А потому из природы ни в каком случае нельзя почерпнуть указания, "отчего то, что мы называем хорошим, следует предпочесть тому, что мы называем злом" (с. 31). "Выполнение того, что с нравственной точки зрения является лучшим, - того, что мы называем добром или добродетельным, - вынуждает нас к линии поведения, во всех отношениях противной той линии поведения, которая ведет к успеху в космической борьбе за существование" (с. 33). Таков, по мнению Гексли, единственный урок, который человек может почерпнуть из жизни природы.

Но вот вслед за тем совершенно неожиданно, едва только люди соединились в организованные общества, у них появляется неизвестно откуда "этический процесс", безусловно противоположный всему тому, чему их учила природа. Цель этого процесса - не выживание тех, кто может считаться наиболее приспособленным с точки зрения всех существующих условий, но тех, кто является "лучшими с нравственной точки зрения" (с. 33). Этот новый процесс неизвестного происхождения, но явившийся во всяком случае не из природы, "начал затем развиваться путем закона и обычаев" (с. 35). Он поддерживается нашей цивилизацией, из него вырабатывается наша нравственность.

Но откуда же зародился этот нравственный процесс?

Повторять вслед за Гоббсом, что нравственные начала в человеке внушены законодателями, значило бы не давать никакого ответа, так как Гексли определенно утверждает, что законодатели не могли заимствовать таких мыслей из наблюдения природы: этического процесса не было ни в дочеловеческих животных обществах, ни у первобытных людей. Из чего следует - если только Гексли прав, - что этический процесс, т.е. нравственное начало в человеке никоим образом не могло иметь естественного происхождения. Единственным возможным объяснением его появления остается, следовательно, происхождение сверхъестественное. Если нравственные привычки - доброжелательность, дружба, взаимная поддержка, личная сдержанность в порывах и страстях и самопожертвование - никак не могли развиться из дочеловеческого или из первобытного человеческого, стадного быта, то остается, конечно, одно: объяснять их происхождение сверхприродным, божественным внушением.

Такой вывод дарвиниста, естественника Гексли поразил, конечно, всех знавших его как агностика, т.е. неверующего. Но такой вывод был неизбежен; раз Гексли утверждал, что из жизни природы человек не мог ни в каком случае почерпнуть урока нравственного, то оставалось одно: признать сверхприродное происхождение нравственности. А потому Джордж Миварт, преданный католик и в то же время известный ученый, естествоиспытатель, немедленно после появления лекции Гексли в "Nineteenth Century" поместил в том же журнале статью под заглавием "Эволюция господина Гексли", в которой поздравлял автора лекции с возвращением к учениям церкви.

Миварт был совершенно прав. Действительно, одно из двух: или прав Гексли, утверждавший, что "этического процесса" нет в природе, или же прав был Дарвин, когда во втором своем основном труде, "Происхождение человека", он признал вслед за великим Бэконом и Огюстом Контом, что у стадно-живущих животных вследствие их стадной жизни так сильно развивается общественный инстинкт, что он становится самым постоянно присущим инстинктом, до того сильным, что он берет даже верх над инстинктом самосохранения¹. А так как Дарвин показал в человеке, с развитием разума, знаний и соответственных обычаев, этот инстинкт все более и более развивался; а затем дар

¹ Инстинктом принято называть привычки, до того утвердившиеся в животном или в человеке, что эти привычки наследуются. Так, например, цыплята, вылупляющиеся из яиц при искусственном их высидывании в тепле, без матки, как только вылупятся из скорлупы, начинают рыть лапками землю, как все куры и петухи. затем, вслед за Шефтсбери, что этот инстинкт одинаково силен и в первобытном человеке, у которого он все больше развивался благодаря дару слова, преданию и создававшимся обычаям, то ясно, что если эта точка зрения верна, тогда нравственное начало в человеке есть не что иное, как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе.

Шефтсбери - английский мыслитель, писавший о сущности нравственности, родился в 1671 году, умер в 1713 году.